

Именно сочетание архивных документов, материалов устной истории, фотоматериалов, этнографических источников, которые дополняют друг друга дает возможность провести комплексное исследование такой сложной исследовательской проблемы как культура жизнеобеспечения послевоенной белорусской деревни.

1. Зональный государственный архив г. Полоцка. – Ф. 143. Оп. 2. Д. 25. Л. 1.
2. Мартынова, М. Ю. От этнологии к антропологии: глобальные мировые тенденции в региональном контексте / М. Ю. Мартынов // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 5. – С. 5–14.
2. Сумко, А. В. Легальныя і крымінальныя спосабы жыццязабеспячэння беларускай вёскі ў перыяд пасляваеннага аднаўлення (на прыкладзе Полацкай вобласці) / А. В. Сумко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – 2019. – № 1. – С. 55–62.
3. Фольклорный архив Полоцкого государственного университета: (2021 г. записано Сумко Е. В.) Ж., 1936 г. р., д. Жигули Верхнедвинского р-на.
4. Фурсина, Н. О. Практика устной истории: детские воспоминания о Великой Отечественной войне / Н. О. Фурсина // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2016. – № 1. – С. 280–286.
5. Хасянов, О. Р. Методы устной истории в изучении повседневной жизни советского крестьянства / О. Р. Хасянов // Вестн. Самарск. гос. ун-та. – 2014. – № 1. – С. 53–59.

Филимончик С. Н. «СРОДНИКИ» О ЖИЗНИ ЗАОНЕЖЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В 2015–2019 годах в Карелии вышли в свет три книги «Сродники», в которых представлены 211 текстов жителей Заонежья. Большинство рассказов – это интервью, проведенные по методу устной истории журналистом Любовью Венедиктовной Герасевой. Кроме того, в книгу вошли воспоминания жителей Заонежья, много лет хранившиеся в семейных архивах, и воспоминания, написанные специально для этой книги. Во многих текстах использован заонежский диалект.

По ходу работы замысел Л. В. Герасевой менялся. Вначале журналист предполагала подготовить книгу очерков о жителях Заонежья. Однако во время встреч с респондентами её поразили нестандартные рассказы людей о своей жизни, и Л. В. Герасева решила строить книгу «от первого лица». Начиналось интервью, как правило, с открытого вопроса: «Расскажите о своей жизни». Нередко люди в ответ спрашивали: «А говорить как надо или как было?». Во время работы над первой книгой порой встречали настороженно: зачем пожаловала? На объяснения, что планируется издание книги, отвечали: «Да у нас тут каждое лето студенты что-то записывают. Все, что знали, им рассказали. Только где все это?», «Что про то говорить, что нельзя воротить» [3, с. 5]. Создать доверительную обстановку Л. В. Герасевой помогал большой журналистский опыт. Располагало и то, что знакомство с респондентом она начинала на заонежском диалекте, собеседник понимал, что перед ним земляк. Когда журналист работала над второй книгой, во многих деревнях её уже ждали: «Звоню одному из заонежан, чтобы предложить статью автором. Трубку берет жена. Узнав, кто я, радостно восклицает: “А мы уж вас так заждались!” И мужа зовет: “Иди скорее, тебе «Сродники» звонят!”» [3, с. 8]. Во время сбора материалов развернулось активное волонтерское движение. Волонтеры предоставляли кров, разыскивали людей, у которых могла быть нужная информация, отвозили рукописи для вычитки после редактирования. Выход книги повысил авторитет пожилых людей в кругу семьи и земляков. Один из авторов сказала об этом так: «На меня теперь дети по-другому смотрят» [3, с. 6].

В 2016 году первая книга получила Специальный диплом Новой Пушкинской премии «За сохранение родовой памяти». В 2020 году составитель и редактор серии Л. В. Герасева стала лауреатом премии Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы. Презентации книг в Медвежьегорске, Толвуде, Великой Губе, Петрозаводске вызвали большой общественный резонанс. По мотивам книги фольклорный ансамбль музея Кижского погоста подготовил этнографический спектакль. Активизировалась деятельность по установке в Заонежье на месте деревень поминальных крестов с указаниями фамилий живших здесь людей. В социальной сети «В контакте» создана группа «Сродники», где участники представляют семейные реликвии, фотографии, организуют социальные проекты в помощь заонежской деревне, переживающей ныне не лучшие времена.

Несмотря на фрагментарность собранных материалов, они имеют не только социальное значение, но представляют определенный научный интерес для историков, работающих в русле новой локальной истории, истории повседневности, исторической экологии. «Сродники» показали, что в условиях нарастающей нестабильности текущей жизни у людей усилилось желание опереться на опыт, ценности, поведенческие модели ушедших из жизни родителей и земляков. В рассказах о родителях практически не используются слова «отец», «мать», но только «мама», «матушка», «папа». В тексте сестер Н. И. Власовой и Н. И. Манойловой отмечается: «Когда подъезжаем к родительскому дому, всегда в горле ком и слезы на глазах: уже не выйдут тебе навстречу ни мама, ни папа... А войдешь в дом, и все становится на место: как в детские годы. Топишь печку, идешь по воду, ставишь

самовар, готовишь в русской печи то, что готовили и твои предки. Мы живем так, как будто родителя и сейчас с нами» [4, с. 364].

В период создания книги 73 автора были старше 80 лет (самому пожилому участнику проекта исполнилось 96 лет), поэтому в «Сродниках» достаточно полно глазами детей и подростков охарактеризована жизнь северной послевоенной деревни. В начале Великой Отечественной войны Заонежье было оккупировано финскими войсками. После освобождения полуострова в 1944 году жители возвращались в родные места, где все было развалено и разворовано. Многие ярко помнили трудный путь домой. А. М. Пакратова рассказала, что они всей семьей впряглись в повозку с пожитками и тащили её до своей деревни 10 верст [4, с. 88]. Семья В. Н. Максимова достаточно быстро добралась до родных мест на лодке, зато 30 метров от берега до крыльца дома преодолели с трудом. Заросли высокой густой травы с колючками лопухов и крапивы преграждали тропу к дому [4, с. 123].

Мужчин с фронта вернулось мало, поэтому колхозную и семейную жизнь в это время определяли женщины. А. Н. Фокина вспоминает: «Поля все заросли. Мы работаем: две женщины тащат, а третья держит плужок. А мы дерен трясем. Мордой упадешь в ручей, сил нет подняться. Бригадир стучит у церкви на обед. А что есть? Самовар согреем, хорошо, что соль сохранилась, кучку на стол насыплешь, макнешь палец и пьешь чай с солью» [4, с. 243].

В колхозах преобладал тяжелый ручной труд, на трудодни давали мизер. В среднем в Карелии в 1949 году колхозник выработывал 247 трудодней. Во многих хозяйствах Заонежского района в этом году колхозники получили лишь по 300–400 г зерна на трудодень [1, с. 66]. А. М. Лапин рассказал, что как-то в их колхозе выдавали семьям немного ржи, но его матери председатель колхоза за какую-то провинность не дал ни капли. Мать везла сына на санках домой и горько плакала. Вспоминая этот трудный день, автор акцентирует внимание на взаимопомощи сельчан: «Ржи раздали немного, все вообще-то тогда были голодные. Но, несмотря на это, деревенские стали приходить к нам в дом и приносить по горсточке семени. К вечеру у нас была целая миска ржи». С другой стороны, завершая рассказ о раздаче ржи, А. М. Лапин подчеркивает несправедливость и нечестность колхозного руководителя: деревенские мальчишки залезли в дом к председателю колхоза и нашли там две большие деревянные бочки, наполненные рожью и овсом, в то время как деревня голодала [4, с. 222].

Для детей и подростков мир определен, прежде всего, укладом родного дома, поэтому одной из ведущих тем в воспоминаниях стало питание. Спасительницей семьи называли корову. Однако сено для неё заготовить было очень трудно. В. М. Андрейчик отмечает, что нужно было накосить 9 стогов в колхоз, и тогда один стог можно было оставить себе: «А когда косить, если всего один выходной» [4, с. 95]. Из-за необеспеченности кормами, высоких денежных и натуральных налогов, низкой закупочной цены на животноводческую продукцию 47 % крестьянских дворов в Карелии в 1953 году не имели коров [1, с. 76]. Скучный рацион питания крестьянских семей подчеркнут во многих текстах. А. В. Кирьянова вспоминает: «Еще помню, как очень редко в доме появлялось повидло, граммов сто, в вощеной бумаге. И нам намазывали хлеб так тонко, что он просто блестел. Но это был праздник. Это было царское угощение. Весной заваривали крапиву и щавель кипятком, и было это очень вкусно. Бегали на гороховое поле, набивали животы горохом. Бабы не ругались, говорили: “Ладно, в брюхе много не унесут”. Очень спасали ягоды» [4, с. 17].

Медицинских пунктов в большинстве деревень не было. Ослабленные плохим питанием люди часто болели, но лечились народными средствами. Когда болели ноги, запаривали в печке живых муравьев и парили ноги [4, с. 114], при укусе змеи знахарь «шептал что-то на яйцо» и мазал место укуса [4, с. 94], бабушки заговаривали на глазу ячмень [3, с. 223].

В школы собирались дети из нескольких деревень. Многие ученики ежедневно ходили на занятия за 5–12 километров пешком. А. А. Романова так охарактеризовала свою школьную одежду: «Я ходила в школу в фуфайке, кирзовых рваных сапогах. Сумкушила сама, она была холщовой» [4, с. 248]. Важным стимулом посещения школы было дополнительное питание. Л. В. Конева вспоминает, что её сестре-первокласснице на большой перемене давали тарелку супа: «Так нас, малышей, сестра брала на обед к этой тарелке горохового супа» [2, с. 181]. Школьные интернаты были переполнены. М. В. Ичеткина вспоминает: «В интернате все жили в одной комнате. Её делил длинный стол, девочки жили слева, мальчики справа» [4, с. 115]. С собой в интернат ученики привозили из дома продукты – в основном питались картошкой: «Вечером в интернате мы свои котелки с картошкой ставили на плиту. Утром уборщица топила печь и варила нам картошку. Еще мама пекла мне с собой тухмачи, типа ржаных пирожков с картошкой» [4, с. 115]. Те, кому не досталось места в интернате, снимали угол в деревне, спальное место хозяева могли выделить постояльцам чаще всего на полу [4, с. 13].

Многие авторы с горечью отмечают отсутствие в то время выбора личной стратегии из-за долга перед семьей, при этом достойное преодоление выпавших испытаний называют значимым фактором судьбы. А. С. Ермолина рассказала, что после войны её отец, побывавший в финском плену, был забран в лагерь на Урал. Поэтому когда умерла мама, 17-летней Ане пришлось бросить

учебу в ФЗУ и вернуться в деревню, чтобы поднимать шестерых младших братьев и сестер. Когда детей устроили в детдом, она каждую неделю ходила к ним с нехитрой снедью (картошка, пирожки из ржаной муки). Дорога в одну сторону – это 30 км пешком, а потом на лодке [1, с. 21]. Поднимать младших братьев после смерти бабушки в финском лагере пришлось 18-летней А. К. Казистой: «Я в леспромхозе стала работать, дрова заготавливали бревнами. Приду с работы мокрая – едва с ног не валюсь. А дома дрова не напилены. Возьму ухват для остратки (попугать), а оны, робята, от меня на печь. Да что с них требовать – малышки были! Я сяду и воплю (плачу)» [1, с. 39].

В воспоминаниях о послевоенном детстве и юности много печали. В рассказах представителей интеллигенции ощутимее стремление сгладить, встроить повествование в общепринятые образцы. Рассказчики, менее связанные в повседневной жизни с книжной культурой, чаще вводят информацию, отражающую личное мировидение и ценности своей микрогруппы. В рассказах пожилых людей не могли не отразиться их сегодняшние проблемы, связанные с ухудшением здоровья, одиночеством. В то же время рассказ широкому кругу людей о трудностях послевоенной жизни в ряде случаев помогал респондентам глубже осознать себя и свою судьбу. Как сказала одна из авторов: «Я как будто заново родилась! Хоть и тяжкие воспоминания, а я жить захотела, помирать передумала!» [3, с. 6].

1. Вавулинская, Л. И. Колхозное крестьянство и государственная политика в середине 1940-х – конце 1950-х годов (на материалах Карелии) / Л. И. Вавулинская. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2010. – 235 с.
2. Сродники: мы из Заонежья. – Петрозаводск ; Санкт-Петербург : Реноме, 2015. – 220 с.
3. Сродники: мы из Заонежья. Продолжение. – Петрозаводск ; Санкт-Петербург : Реноме, 2017. – 360 с.
4. Сродники: Мы из Заонежья. Продолжение. Книга третья. – Петрозаводск ; Санкт-Петербург : Реноме, 2019. – 408 с.

Козлов А. А.

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЦЕНЗУРЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (1953–1990 ГГ.)

Основные задачи, принципы и критерии контроля материалов органами цензуры определялись «Положениями о Главлите», но непосредственная работа цензуры строилась на многочисленных нормативных документах, получаемых из Москвы. Все они делились на несколько категорий:

1. *Документы по вопросам ограничений печати, радио и телевидения:* «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению», «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в районных, городских, многотиражных газетах и передачах по радио», «Дополнения и разъяснения к «Перечню», циркуляры к «Перечню»

2. *Документы о порядке контроля и организации работы органов главного управления:* «Инструкция о порядке цензорского контроля», «Инструкция о порядке подготовки и открытии музеев и выставок» [13], «Указания о порядке подготовки к публикации сведений о научно-технических достижениях СССР, которые могут быть признаны изобретениями или открытиями».

3. *Документы по вопросам печати несекретных изданий и контроль за деятельностью издающих организаций и полиграфпредприятий:* «Единые правила печатания несекретных изданий»

4. *Документы по вопросам книжных фондов:* «Инструкция о порядке хранения и использования в спецфондах библиотек Советского Союза литературы, ограниченной органами цензуры для общего пользования» [15], «Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети», «Список книг, подлежащих хранению в спецфондах библиотек», «Список лиц, все книги которых подлежат изъятию».

5. *Документы по вопросам контроля литературы, вывозимой из СССР и ввозимой в СССР:* «Инструкция о порядке вывоза за границу несекретных произведений печати и осуществлении международного книгообмена», «Рабочая инструкция о порядке контроля материалов, вывозимых из СССР по почте», «Инструкция о порядке выписывания, хранения, и использования литературы капиталистических стран», «Список, периодических научно-технических изданий капиталистических стран», «Инструкция о порядке пропуска в СССР иностранной религиозной литературы и предметов культа», «Инструкция о порядке контроля местными органами цензуры капиталистических стран, изданной на языках народов СССР».

6. *Документы по вопросам отчетности, секретного и несекретного делопроизводства и переписки:* «Правила учета, применения и обращения с совершенно секретными и несекретными документами документов в органах цензуры», «Перечень дополнительных материалов, образующегося в деятельности Главлита СССР и главкрайобллитов, с указанием сроков хранения материалов» [6, л. 5–11].

Важнейшим из документов был «Перечень» Главлита. Он насчитывал более 200 параграфов, каждый из которых содержал до 6 пунктов. Параграфы были объединены в разделы: военный, экономический, финансовый, сельскохозяйственный, международных отношений, работы правоохранительных органов. Главлит издавал «Перечень...» раз в пять лет и рассылал его главным